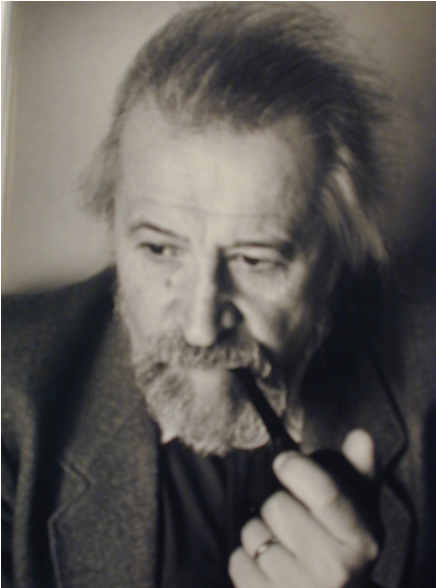

Наследие Б.А. Грушина: для всех и надолго

Третья международная конференция «Продолжая Грушина» имеет свою программу, повестку дня, но давайте посмотрим на нее как на некоторое относительно новое явление в жизни нашего социологического сообщества. Тема, которую я хотел бы обозначить, не была актуальной, скажем, десять лет назад, и даже меньше, однако в последние годы она обострилась и начала обсуждаться.

Речь идет об отношении к научному наследию наших учителей, старших коллег, друзей. Жизнь так устроена, что они уходят от нас, слабеют, отходят от активной научной деятельности... Но сделанное ими – наше общее богатство, и судьба их наследия определяется не только тем, что ими сделано, но и нашим отношением к тому, что нам досталось как обладателям этого наследия. Отмахнемся от него, забудем, сделаем вид, что все начинается с нас? Или будем искать возможности для изучения жизни и творчества представителей старших поколений, постараемся не забыть их уроки, извлечь из их опыта определенные научные, гражданские, этические нормы и стандарты поведения. Пойдем по первому пути – рано или поздно осознаем его ущербность и постараемся

исправить ситуацию, но многое будет потеряно. Изберем второй путь... поспотыкаемся, поплутаем, но относительно скоро осознаем его ценность.

Эта Грушинская конференция и недавно прошедшие чтения на факультете журналистики МГУ «Открывая Грушина» – не единственный пример успешных мемориальных форумов. Левада-Центр проводит конференции памяти Ю.А. Левады, Институт социологии РАН провел несколько чтений памяти Г.С. Батыгина, состоялись встречи, на которых вспоминали А.Г. Харчева, Ю.Н. Давыдова. Петербургские социологи провели, по-моему, уже пять конференций в память о В.Б. Голофасте, в Екатеринбурге сложилась практика организации семинаров памяти Л.Н. Когана. Это то, что мне известно, но уверен, есть и другие мемориальные научные встречи.

Начинает складываться традиция выпуска сборников воспоминаний об умерших социологах, переиздания их работ, делаются первые шаги в направлении анализа сделанного первопроходцами нашей науки. Отталкиваясь от собственного небольшого опыта, я могу сказать, что это крайне сложный жанр, и поэтому пока

---

¹ Борис Зусманович Докторов – доктор философских наук, профессор, автор ряда книг и серий статей по истории американских опросов общественного мнения и современной истории советской/российской социологии.

очень мало исследований подобной нацеленности, но – очевидно – их будет больше. Правда, это произойдет, лишь если в нашем сообществе возникнет потребность в осмыслении прошлого, если будет преодолено безразличие к нашему недалекому и дальнему былому. Если мы задумаемся не только о том, что было сделано, но и о том, в каких обстоятельствах, почему сделано так, а не иначе. Если мы признаем ученого, главной фигурой в науке, производстве знаний и сочтем важным сохранить в истории его имя.

Хочу указать на происходящее сейчас усиление одной функции истории отечественной социологии, она связана с усложнением композиции нашего профессионального сообщества и с поколенческими подвижками, в нем. Развиваемая мною система, или лестница, поколений российской социологии насчитывается уже сейчас семь когорт. Особенности становления в СССР социологии определили то обстоятельство, что на верху поколенческой лестницы расположены два поколения – первое и второе – одного возраста (родившиеся в период с 1923 по 1934 гг.), но различные по механизму вхождения в социологию. Далее идет серия поколений, продолжительностью в 12 лет. В середине 1980-х наш профессиональный цех включал в себя три активно действовавших исследовательских когорт и набиравшую силу – четвертую (1947-1958 гг. рождения). На протяжении почти четверти века цементирующим составом сообщества была личная коммуникация. Все «ходили по одним коридорам»: встречались на службе и по работе, общались на конференциях и семинарах, читали друг друга в единственном социологическом журнале и малотиражных сборниках; выходили на праздничные демонстрации и выезжали на поля подшефных пригородных совхозов

В настоящее время социологов стало значительно больше, чем в доперестроечный период, подавляющая их часть работает в университетах и независимых социологических образованиях, меньшая доля – в академических институтах. Принципиально расширилась география социологических организаций. Личная коммуникация уже не может и не играет той роли, которая принадлежала ей раньше; работают другие правила общения. Мой опыт показывает, что представители новых поколений социологов (седьмая когорта – это люди, родившиеся в 1983–1994 годах) плохо осведомлены о работах старших и совсем ничего не знают об их жизни.

В этих обстоятельствах действенным механизмом объединения нашего сообщества должны стать историко-научные исследования, изучение биографий представителей различных (прежде всего – старших) поколений. Особое значение должно отдаваться «суперзвездам» коммуникационных сетей; среди которых одна из самых ярких – Борис Андреевич Грушин. Он – знаковая фигура в академическом сообществе, признаваемая и уважаемая среди полстеров и широко известная вне профессионального круга; т.е. Грушин был и остается фигурой публичной.

Замечу, этот уникальный набор качеств Грушина исследователя и гражданина определен многими обстоятельствами. В частности тем, что Грушин сделал изучение общественного мнения не только предметом полстерского анализа, оперативного изучения и журналистского комментирования, но предметом академической науки..

Грушин – возможно, первый философ и одновременно логик, обратившийся к исследованию общественного мнения в опоре на результаты собственных опросов. Потому очень скоро в его анализе он отошел от собственно задач журналистики, в

целом – описательных, фокус его научной деятельности сместился к изучению природы общественного мнения, механизмов его возникновения и функционирования, а сама деятельность приобрела социологическую направленность. Опросы общественного мнения, сохранившие свое прикладное значение, одновременно превратились для него в лабораторию исследования массового сознания. И потому творчество и результаты Грушина следует соотносить не только с тем, что делалось и сделано Гэллапом, но и с научным наследием классиков социологии Пауля Лазарфельда, Самуэля Стауффера, Ирвинга Креспи и Дэниэла Янкеловича.

Из сказанного вытекает множество принципиальных науковедческих следствий, но сейчас я не предполагаю их рассматривать

В моем понимании, существует предбиография человека, биография и постбиография. Предбиография человека задается – прежде всего – семьей, в которой он родился, и всеми макрообстоятельствами, обусловившими его рождение в той или иной пространственно-временной точке и его последующее движение в жизненном, деятельностном пространстве. Биография – это совокупность всего, что происходило – иногда, что могло произойти – с человеком в годы его жизни. Потом начинается постбиография, которая является продолжением биографии, но связана с нею весьма нетривиально. Постбиография может быть короткой или долгой, богатой или скудной, непрерывной или прерывистой, публичной или личностной, быть «естественным» с исторической точки зрения продолжением биографии, но может быть – неожиданным.

Судьба – это комплекс всего, что предопределяет биографию человека, что ведет его по жизни и что связано с ним после ее завершения. У биографии есть начало и конец, судьба – теоретически бесконечна, точнее сказать – она обычно дольше, продолжительнее жизни, многомернее биографии. Но в первую очередь судьба – это постбиография.

Достаточно мысленно обратиться даже к ближайшей истории СССР/России, чтобы понять, что судьба – это производная деятельности самого человека и отношения общества или некоторой части общества к нему. Примеров масса: это политики, люди искусства, спорта, писатели и другие публичные фигуры. Наука всегда была и будет менее публичной общественной сферой, здесь судьба ученого и результатов его творчества прежде всего зависят от профессионального сообщества, к которому принадлежит исследователь. **Временные** и пространственные параметры этого сообщества определяются многими обстоятельствами, но прежде всего – характером проблем, которыми занимался ученый, и значимостью для науки (в редких случаях – для общества) полученных им результатов.

Борис Андреевич Грушин (2 августа 1929 — 18 сентября 2007) внес значительный вклад в изучение массового сознания, в анализ деятельности средств массовой пропаганды, в подготовку социологов и журналистов, в формирование социологии как самостоятельной научной дисциплины. Все это уже позволяет признать его одним из создателей современной советской/российской социологии, ученым, чье наследие надо изучать. Но все же главная заслуга Грушина заключается в исследовании общественного мнения населения и факторов его формирования, а также в создании с нашей стране системы научного изучения общественного мнения.

А это означает, что сделанное Грушиным является фактом не только собственно научным, но политическим, общегражданским. Соответственно, его наследие оказывается значимым не только для социологов, полстеров, но для общества в целом. Конечно, оно (наследие) должно изучаться в рамках специальных историко-научно-ведческих исследований, однако при этом следует отчетливо понимать, что культура научного анализа общественного мнения является функцией двух факторов: уровня методологии и технологии измерения мнений, установок и уровня развития демократических институтов общества.

Сказанное, мне представляется, позволяет следующим образом трактовать общий девиз конференции «Продолжая Грушина». Во-первых, это совершенствование существующего и создание нового теоретико-методологического и инструментального аппарата изучения общественного мнения. Во-вторых, честное оглашение получаемых результатов и привлечение экспертных групп и журналистов к всестороннему обсуждению состояния общественного мнения по важнейшим для общества проблемам. В-третьих, поиск путей и средств для усиления роли общественного мнения в институтах демократии и повышения эффективности соответствующего типа исследований. В-четвертых, изучение международного опыта сбора и анализа данных об установках, суждениях, мнениях населения. В-пятых, создание в сообществе полстеров духа свободной дискуссии по всем аспектам профессиональной деятельности.

Не буду развивать эту тему, но отдельно укажу на важность исследования истории изучения общественного мнения в СССР/России и в других странах с целью выявления общих и специфических особенностей в отечественном процессе становления и развития этого научного (аналитического) направления. Они, конечно же есть, и вызваны как объективными обстоятельствами, так и субъективными. Многие годы моих исследований процесса зарождения опросов общественного мнения в США и современных подходов к измерению установок населения этой страны, с одной стороны, и достаточное знакомство с ситуацией в области анализа мнений в СССР/России, с другой, позволяет видеть и сходство (иногда – удивительное), и различия (прежде всего, кардинальные) в становлении американской и российской практик изучения общественного мнения.

В США, где в первой половине XIX века возникли простейшие опросы общественного мнения, а примерно через сто лет — сложилась научная, или гэллаповская, технология изучения мнений населения, для этого имелись весомые социальные предпосылки.

Первое: в стране никогда не было монархии, дворянства, наследственной власти, в США быстро сложилась система президентской власти и многоуровневый (страна, штаты, «районы») механизм голосования. Отсюда желание избирателей, прессы и политиков как можно больше знать об электорате с целью предсказания итогов голосований. Одновременно отмечу стремление издателей (исходно — партийной, позже — внепартийной) прессы играть активную роль в политической жизни страны.

Второе: рыночная экономика, конкуренция и борьба за деньги потребителей. Еще на рубеже XIX и XX веков привело к появлению служб изучения установок и поведения потребителей и к изучению эффективности рекламы. Для этого был необходим анализ аудитории газет, потом — журналов и еще позже — радио. Эти же каналы в

периоды избирательных кампаний служили важнейшими средствами распространения политической и социальной информации.

Третье: непрерывное развитие в США системы наук о человеке. В данном случае я особенно выделяю такие направления психологии, как измерение способностей и конструирование тестов. Опыт университетских ученых быстро находил применение в прикладных разработках, поддерживавшихся бизнесом.

На протяжении всего этого длительного периода государство как социальное образование, институт всегда находилось «далеко» от бизнеса, журналистики и – как следствие – от всего, что связано с изучением общественного мнения. Отцы-основатели Джордж Гэллап, Элмо Роупер и Арчибальд Кроссли подошли к измерению политических установок, накопив большой опыт изучения потребительских предпочтений. А их деятельность финансировалась прогрессивными представителями журналистской элиты. Гэллапа многократно приглашали в Белый дом, но он всегда отказывался. Призывая население активно участвовать в выборах, он никогда не голосовал за президента (только на выборах локального уровня. С одной стороны, он не хотел высказывать своих политических пристрастий, с другой – не считал нужным что-либо придумывать при беседах с журналистами.

Ничего подобного для возникновения практики зондирования мнений населения СССР в 1960-е годы не существовало. Вместо выборов — голосование за одного кандидата, выдвигавшегося государством. Одна партия. Государственные средства массовой информации и идеологическая цензура. Плановая экономика, в которой не потребитель — король, но директивные органы. Психометрика, как и другие области психологии, была разгромлена в стране в 1930-е годы, социология объявлялась буржуазной наукой, никакой непрерывности в развитии наук о человеке, обществе не было.

В СССР политические и научные предпосылки для обсуждения общественного мнения как социального феномена возникли лишь после смерти Сталина и порождены духом хрущёвской оттепели. Так, в начале 60-х друг Грушина философ Э.Ю. Соловьев писал о первых грушинских опросах: он «занимался серьезно вполне / общественным мнением в безгласной стране». Я помню, что и через десять лет И.С. Кон говорил Б.М. Фирсову и мне: «Борисы, что вы изучаете? Общественного мнения нет».

Однако и первые теоретические исследования природы общественного мнения в СССР (Игатханян М.Х., Уледов А.К., Ковальзон М.Я. и другие), и первые опросы общественного мнения (Грушин Б.А., Шляпентох В.Э. и другие) были выполнены научными подразделениями КПСС или при поддержке идеологических институций самого высокого уровня. Иного не могло быть.

Институт общественного мнения «Комсомольской правды» под руководством Грушина возник в мае 1960 года. Первый опрос был проведен 10 – 14 мая 1960 года в преддверии несостоявшегося Парижского совещания глав правительств СССР, США, Франции и Англии и всего через две недели после того, как на Урале был сбит американский самолет-разведчик и пленен пилот Пауэрс. Тема опроса: "Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?" была весьма актуальной, но напрямую не связанной с первомайским инцидентом. 19 мая 1960 газета сообщила о создании

Института и начале изучения общественного мнения: «Сегодня «Комсомольская правда» открывает на своих страницах Институт общественного мнения. С его помощью газета намерена изучать и рассказывать о мнении советских людей по наиболее актуальным вопросам внутренней и внешней политики СССР, коммунистического воспитания трудящихся. Такое изучение даст возможность учитывать самые различные мнения, что представляется важным и для практики пропагандистской работы». Через 40 лет после тех событий Грушин вспоминал: «Помню, мы просидели всю ночь в кабинете главного редактора, ожидая, как новшество будет принято ЦК КПСС. Рано утром Воронову позвонили от «первого» и сообщили: «Никита Сергеевич, которому показали свежий номер, сказал: «Прекрасно». Поздравляем с большим успехом». На следующий же день газета «Правда» (получить похвалу от которой было совершенно невозможно) в коротенькой заметке «Из последней почты» оказала нам полную поддержку, и мы торжествовали победу. Эта победа стала еще большей после того, как началось просто буйство в западной прессе по поводу того, что в Советском Союзе открыт Институт общественного мнения».

В середине 60-х опросы по заказам центральных газет проводил Шляпентох. Интересно, как он убеждал руководство газеты «Правда» позволить ему опрашивать не только подписчиков, но репрезентировать в выборке население страны. Он приводил два аргумента: «...первый, «Правда» - является частью жизни каждого советского человека; второй: Гэллуп именно так делает. Все сработало, - рассказывал он мне – и мы получили всю страну с аппаратом корреспондентов и поддержкой партийных органов для отработки территориальной стратифицированной случайной выборки».

Приведенных примеров достаточно, чтобы говорить о том, что опросы общественного мнения в СССР не могли возникнуть без ведома, а значит и контроля со стороны государства, правящей силой которой была КПСС. Конечно, подобное сохранялось и далее, в том числе, и в годы перестройки. Достаточно посмотреть воспоминания Т.И. Заславской о том, как создавался ВЦИОМ и каким было отношение М.С. Горбачева, руководства ВЦСПС к первым всесоюзным опросам.

Сказанное означает, что поиск макрофакторов, детерминировавших начало деятельности Грушина по изучению общественного мнения, должен быть дополнен анализом его (и социологов его поколения) биографии и его микросреды.

Проведенные мною историко-научные исследования показывают, что, если бы рождение опросов общественного мнения в США определялось лишь наличием необходимой технологии и существованием специалистов, знающих, как с нею обращаться, то регулярные выборочные опросы могли бы возникнуть до 1936 года. Однако, к тому моменту не созрели другие обстоятельства: объективные и субъективные. Рассмотрение этих обстоятельств – непростое и продолжительное дело. Остановлюсь лишь на одном моменте, представляющемся мне крайне значимым.

Сын Джорджа Гэллупа, который подобно отцу многие годы своей жизни отдал изучению общественного мнения, сказал о своем отце: «Он был человеком *идей...*» и затем добавил: «... и *идеалов*». Сказанное было спонтанной реакцией на вопрос интервьюера, в другой ситуации, возможно, прозвучало бы: «человек идеалов и

идей». Гэллапом была в деталях разработана и выверена на практике схема изучения общественного мнения населения огромной и весьма сложной в социокультурном отношении страны. Проведены тысячи опросов и сформулированы десятки тысяч вопросов, многие из которых без изменений используются свыше полувека. Но при этом он был романтиком. Многие из его современников считали, что он переоценивал способность населения адекватно понимать происходящее и разумно судить о политике. Однако будучи представителем десятого поколения американцев, Гэллап рано осознавал свою связь с прошлым. Он ощущал свое предназначение, слышал зов судьбы и вызовы времени и называл себя апостолом демократии.

Впервые я писал о Грушине в 2004 году, еще при его жизни. В ходе последней моей встрече с ним, состоявшейся у него дома в феврале 2007 года, я рассказал ему о соотношении идей и идеалов в творчестве Гэллапа, и отметил, что собираюсь продолжить изучение жизни и дела Грушина в рамках этих понятий. И добавил, что применительно к нему буду говорить прежде об *идеалах* и затем – об *идеях*. В моем понимании, лишь идеалист, мечтатель был способен начать опросы общественного мнения в СССР в 1960-х годах, мог бороться за их проведение, рисковать и жертвовать многим, носиться, как говорили о Грушине его друзья, с «идеей-фикусом».

На мой взгляд, Грушин не был ни «красным», ни «белым», ни левым, ни правым, ни либералом, ни консерватором, ни русофилом, ни западником, ни пессимистом, ни оптимистом. Он старался быть совершенно свободным, у него была своя цель в жизни и своя дорога. Его студенческому другу Мерабу Мамардашвили принадлежат слова: «Мы не участвовали в чужих войнах, мы вели свои». И Грушин говорил: «Мы действительно никогда не включались ни в какие политические сюжеты — даже если речь шла о Сахарове или об “уходе в диссиденты”». Когда ему предлагали это, он отвечал, что у него «есть работа на собственном поле».

В одном из своих интервью Грушин сказал: «Я снял с себя кожаную куртку и маузер Корчагина в 49-м году, в пору борьбы компартии с космополитизмом». Верно, однако, думается мне, дух окуджавских комиссаров «в пыльных шлемах» и светловская «испанская грусть» присутствовали в нем всегда. В нем всегда сохранялось «настоящее буйство», о котором писал Владимир Высоцкий. Иначе невозможно объяснить, почему, живя в обществе, в котором все подчинялось государству, он считал, что общественное мнение имеет право на существование и должно быть услышанным.

Опросов общественного мнения не могло быть в дореволюционной России, в СССР на ранних этапах развития государства, они не имели самостоятельный характер и не могли играть сколь-нибудь заметной роли в жизни страны, населения, системы управления. Грушин начинал социологическое изучение установок населения без опоры на отечественные политические и научные традиции и без очевидных объективных макро социальных предпосылок. Беседы с ним позволяют мне говорить о том, что в начале 1960-х он не знал технологию изучения общественного мнения, признававшуюся тогда научной в США и Европе.

Но стремление к поиску стимулов деятельности Грушина не может ограничиться изучением особенностей макросреды, это и тема собственно биографического (микро) анализа. Иначе сложно понять, как идеалы свободы и демократии возникли в

человеке, который родился через 12 лет после Октябрьской революции и воспитывался в годы почти тотального подавления личности.

Есть очевидное. Во-первых, семья, отец, духовную близость с которым отмечал Грушин, увлечение идеями Чернышевского, Гегеля и Фейербаха в школьные годы. Во-вторых, «Московский логический кружок» (Б.А. Грушин, А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили и Г.П. Щедровицкий), возникший в начале 1950-х годов. Его участники называли себя диалектическими станковистами, или «диастанкурами»². Они не были ревизионистами Маркса, как и не были марксистами. Просто в логике «Капитала» они обнаружили некий образец интеллектуальной работы и трактовали этот труд как текст мыслителя по имени Маркс.

В 1952 году Грушин с красным дипломом окончил МГУ и, поступив в аспирантуру, начал разрабатывать тему: «Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития». Защищать свою трактовку соотношения логического и исторического Грушину пришлось дважды на заседаниях ученых советов и третий раз – в 1958 году – на экспертном совете ВАК.

Могли ли абстрактные философские исследования Грушина позже подвести его к социологическим исследованиям массового сознания? Думается, что да, просматривается достаточно простая логическая цепочка: разрешая себе быть свободным в своих теоретических суждениях, Грушин не мог не подойти и к признанию свободы для людей с улицы воспринимать мир и высказывать свои суждения о нем. Настоящая, классическая философия — социальна и моральна, и Грушин воспринял ее ядро. Будучи диастанкуром, Грушин не мог не разделять одного из важнейших политико-нравственных положений философии Мамардашвили, видевшего назначение человека в том, чтобы стать свободным.

Но сама по себе жизнь в пропитанной атмосфере политической оттепели, даже его работа в редакции «Комсомольской правды» не объясняет грушинского «куража», его многолетней заряженности на изучение мнений населения. Нужна была некая априорная установка, позволившая бы ему в письмах читателей увидеть «знак судьбы» - социальный заказ на изучение общественного мнения.

Здесь мне представляется важным указать тему, которая еще не обсуждалась в работах по истории послевоенной российской социологии, но анализ которой может серьезно углубить понимание генезиса нашей науки, ряда особенностей ее развития и характера деятельности некоторых социологов. Речь идет о поиске механизмов и определении масштабов влияния на становление социологии элементов неофициальной, самиздатовской, андеграундной, смеховой культуры 1950–1970-х годов.

---

² М.К. Мамардашвили объяснял происхождение этого названия так: «Издеваясь над приспособленческим искусством – “реалистическим”... где фактом нового искусства считалось само изображение новых людей, то есть партийных руководителей района и всей страны, когда портреты выполнялись в гайках, сеном... есть смешная картинка такого наблюдения у Ильфа и Петрова. Они назвали подобных “художников” диалектическими станковистами – диастанкурами!»

До начала 70-х в СССР, говоря о направлениях развития культуры в стране, избегали использования терминов «андеграундная» культура, тем более – контркультура. Но эти течения всегда существовали.

Обращаясь к годам окончания школы и начала студенческой поры, Заславская вспоминала о посещениях студии молодых поэтов и ночных посиделках, на которых поэты-фронтовики читали свои стихи. В 2006-2007 годах в нашем электронном интервью она писала: «Встречаться с молодыми поэтами, слушать их стихи, а потом споры было увлекательно и очень радостно. Они оказали на меня громадное влияние, потому что свойственная им суровая, проверенная войною мораль открыто и жестко противостояла мелочности, пошлости, а нередко и подлости тыловой жизни. Молодые поэты были чистыми в высшем смысле слова, они прошли войну, пропустили ее ужас через свои души и благодаря этому приобщились к самым высоким ценностям. Мне остро не хватало духовной опоры в окружавшем мире, а тут — такие прекрасные люди и такие замечательные стихи».

Имеющиеся в моем распоряжении материалы позволяют привести массу различных форм погруженности представителей первых поколений советских/российских социологов – особенно в периоды ранней социализации – в различные ниши неформальной культуры и контркультуры. Мне кажется, что многое в профессиональной и общей культуре Грушина обусловлено его погруженностью в «пивной» и «банный» мир Москвы. Грушин писал, что в студенческие годы диастанкуры постоянно посещали пивные, где вели непрерывающиеся споры о философии. Через много лет его любовь к пиву стала импульсом для написания книги «In pivo veritas» (Истина в пиве). Обращение Грушина к пивной и банной культурам нельзя свести к досугу или хобби, они были значимым элементом его культурно-профессионального мира, неременной частью среды его бытования. Тому, кто бывал в пивных и рюмочных и хоть немного понимает смысл парилки или сауны, знакомо то радостное анонимно-причастное (или причастно-анонимное) состояние, которое ощущаешь после получаса пребывания там. Демократизм пивной и бани были для Грушина и школой свободомыслия, и площадкой анализа общественного мнения, фактически начатого им задолго до того, как он стал целенаправленно изучать его. Многие формы диалога различных культурных миров внутри личности были открыты и впервые изучены М.М. Бахтиным; позже это направление философии и культурологии обогатилось серьезными методологическими выводами. Не останавливаясь на изложении концепций теории диалога, можно утверждать, что профессиональное сознание Грушина-социолога вмещало очень многое из городской смеховой культуры его времени (самодеятельная и бардовская песня, анекдоты, кинокомедии, выступления сатириков), которая несла в себе антисоветский потенциал.

Грушинское обозначение постперестроечного периода как «социотрясения», его характеристика массового сознания россиян в начале XX века как «шизофренического», название его передачи на радио «Свобода» — «Общество имени Кафки Корчагина», заголовок статьи — «Ученый совет при Чингисхане» — это не только итоги многолетних научных наблюдений за динамикой социальных процессов в стране, но и индикатор его погруженности в смеховую культуру. Я часто вспоминаю грушинский афоризм, акцентирующий своеобразие американской культуры: «Американцы? Они очень похожи на людей».

В том нашем последнем разговоре Грушин, зная о моей работе по истории советской социологии, подарил мне распечатку нескольких страниц из готовившегося им третьего тома четырехкнижия «Эпоха Горбачева». Этот параграф, озаглавленный «Заключительная 15-летняя борьба за создание в стране федеральной службы изучения общественного мнения». Одно можно утверждать: работа проделанная им в этом направлении, колоссальна. Ее следствием стали: создание в 1988 году Всесоюзного центра изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам, из него вышли «Левада-центр», Фонд «Общественное мнение», многие региональные исследовательские фирмы, организации, работающие в странах СНГ. Как русская литература вышла из «гоголевской “Шинели”», так и постсоветское сообщество аналитиков общественного мнения вышло из «грушинской шинели».

В начале 2001 года Грушин сказал, что его жизнь была бурной, но не состоявшейся. Затем уточнил: «состоялась, но не удалась». И как же горько было говорить Грушину об ощущении не востребованности, о ненужности того, что он делал, о том, что жизнь не состоялась, не удалась... У кого же тогда она состоялась? Кому же она удалась?

Завершилась жизнь Б.А. Грушина, но не его судьба. Начав почти полвека назад опросы общественного мнения в СССР, он столкнул с горы камушек, породивший лавину. Он дал возможность высказаться десятилетиями молчавшему обществу.

Есть два главных обстоятельства, при соблюдении которых сделанное Грушиным будет жить внутри социологии и в социально политической-культуре российского общества. Первое: если само российское социологическое сообщество осознает целостность своей истории и не допустит того, чтобы изучение наследия дореволюционных социологов, внимание к которому в последние годы наконец-то заметно выросло, велось в ущерб анализу работ социологов 20-х-30-х годов и осмыслению сделанного социологами, стоявшими у истоков постхрущевской советской/российской социологии. Второе: если развитие российского общества будет сопровождаться усилением роли демократических институтов и укреплением позиций общественного мнения в решении актуальных проблем социального развития.

Если так будет, то имя Б.А. Грушина окажется навсегда вписанным в социологию России и в политическую культуру страны XX столетия.